

Глава 20: Человеческая жизнь - ничтожество (2) Ма Цин, чьи отношения с сестрой Ма Юзэ были далеки от идеальных, возвращался домой сквозь густой туман, окутывающий город Гушу. Дверь особняка была приоткрыта, и он невольно вспомнил фигуру, которую видел у входа, – женский призрак, о котором писали в газетах. Если призрак Гушу – это Ма Юзэ, то она своими глазами увидела, как Ма Цин проходит сквозь туман, и, возможно, последует за ним к порогу дома. Слова, брошенные Ма Цином Тонг Яо в банкетном зале, говорили сами за себя: он не только не уважал свою сестру, но и хотел извлечь выгоду из ее смерти. Даже если Ма Юзэ жаждала мести, Чи Ийинь не видел в этом ничего предосудительного. Но почему в прошлом погиб не Ма Цин, а игрок, также называвший себя Ма Юзэ? Неужели женщина-призрак покончила с собой? Чи Ийинь нахмурился, погружаясь в размышления. — Господин Чи... — Тонг Яо, нерешительно глядя на обратный отсчет, оставшийся всего три минуты, прервала его думы. Они уже вернулись во двор, к будуару. Чи Ийинь, вынырнув из своих мыслей, кивнул Тонг Яо и велел ей не выходить на улицу, какие бы звуки ни доносились извне после наступления ночи. Защитить себя – вот главная задача, и он не хотел усложнять ее жизнь. Тонг Яо, понимая его мысли, чувствовала себя еще более виноватой. — Господин Чи, будьте осторожны. Если вам понадобится какая-либо информация, не стесняйтесь обращаться ко мне, — сказала она, благодарно кивая. Как только Тонг Яо вернулась в будуар, во дворе снова воцарилась тишина. Двор преобразился: количество будуаров менялось в зависимости от числа выживших игроков, а разрушенные скелетами и змеями участки были восстановлены до первоначального вида. Ничто не напоминало о событиях дня, за исключением качелей в саду, которые, казалось, качались сами по себе, без ветра, издавая скрипучий звук: "скрип, скрип...". — Спокойной ночи, госпожа Ма, — Чи Ийинь, опустив глаза, кивнул в сторону качелей и с улыбкой вернулся в свою комнату, заперши дверь. Свечи горели, и их свет, проникая через бумажную стену будуара, освещал двор. На качелях медленно появилась фигура в красном. На женщине было богатое и сложное приданое, волосы были заплетены в косу, создавая образ женщины, а лицо скрывалось под красным покрывалом. Она сложила руки перед животом и плавно покачивалась, но под поднятой юбкой не было видно ног, а красные вышитые туфли пропали без вести. "Треск, скрип..." После того как Чи Ийинь и его спутники вернулись в комнату, остальные игроки, один за другим, устремились в свои будуары, пока не закончился обратный отсчет. Цзинча, глядя на фигуру, отраженную в оконном стекле одного из будуаров, – черные кроличьи уши затрепетали, – улыбнулся. — Тогда я буду жить напротив тебя, — прошептал он. Чи Ийинь, находясь в будуаре, прислушивался к каждому шороху снаружи. Он не тушил свет, пока не воцарилась полная тишина, отошел от окна и подошел к нескольким большим деревянным ящикам, расставленным в комнате. Он специально оставил свою тень, отбрасываемую окном, чтобы каждый, кто возвращался, мог увидеть его в комнате. Когда система объявила о начале игры, Чи Ийинь с интересом обнаружил, что правила изменились. Теперь требование звучало не "не выходить из комнаты", а "не выходить из комнаты по желанию", что меняло смысл. Если у игрока была четкая цель, то выход из комнаты не считался нарушением правил. — Вот как это работает, — мыслил Чи Ийинь, планируя поступить так же. Он собирался снова исследовать особняк семьи Ма, особенно мумию в комнате госпожи Ма. В глазах младшей сестры, которая была особенно привязана к старшей, должна была бы вспыхнуть ярость, увидев, как тетя утешает ее убитую горем сестру. Возможно, госпожа Ма знает что-то важное. Чи Ийинь неподвижно стоял перед деревянными ящиками, украшенными иероглифом "□" и красным шелком. Открыв их, первое, что он увидел, был кусочек золотого света. Даже в тусклом свете золотые слитки, аккуратно уложенные рядами, сияли так ярко, что было трудно отвести взгляд. Он открыл все ящики один за другим, и обнаружил, что каждый из них наполнен таким же богатством. Сумма, сложенная вместе, была просто ошеломляющей, достаточно, чтобы у любого возникло желание на все ради этих сокровищ. Даже на убийство и поджог. Чи Ийинь не мог не удивиться. Это был, должно быть, подарок Ма Юзэ на помолвку, но как же другая сторона могла подарить такое огромное количество золота, а семья Ма, известная своей жадностью, отдала его Ма Юзэ? По его

нынешнему пониманию Мастера Ма, он должен был присвоить все имущество Ма Юзэ. Но прежде чем Чи Ийинь успел разобраться в ситуации, его накрыла непреодолимая сонливость, увлекая его в темную и сладкую страну грез. Он сидел на стуле рядом с деревянным ящиком, не успев даже взять в руку золотой слиток, как уже крепко спал, дыша ровно и спокойно. В других комнатах тоже воцарилась тишина. Остался только звук качелей, качающихся во дворе. Ночью город Гушу погрузился во тьму, безмолвную, как смерть. Лишь звук приземляющихся кожаных сапог доносился из далека. В белом тумане медленно шел высокий мужчина в длинной черной ветровке, шарф на его плечах развевался ветром.

<http://tl.rulate.ru/book/81694/2687507>